

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук Медведевой Анастасии Алексеевны
на тему: «Ирония как компонент сакрального текста
и экзегетической традиции христианства»
по специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение

В отечественной гуманитарной традиции изучение иронии в религиоведческом аспекте — явление чрезвычайно редкое, если не отсутствующее вовсе, в связи с чем нельзя не приветствовать появление таких исследований, какое предприняла А. А. Медведева в диссертации «Ирония как компонент сакрального текста и экзегетической традиции христианства». Именно этим определяется её **актуальность** — собственно научная, а не только социокультурная, хотя и она более чем злободневна (см. в таких высказываниях: «повышенная социальная чувствительность к иронии в контексте православного христианства», с. 3; «проблема совмещения ироничного и религиозного в нашей культуре назревает уже довольно давно», с. 107 — здесь и далее даётся указание страниц диссертации).

Первые две главы диссертации «История изучения понятия „ирония“» и «Исследования библейской иронии» носят преимущественно реферативный характер, однако они демонстрируют и глубокую начитанность автора в истории европейской философии, и высокий уровень понимания предшествующей исследовательской традиции. На базе выводов из этих двух глав, вполне обоснованных, сформулированы положения 1–3, выносимые на защиту, которые, несмотря на вторичность материала, являются плодом авторской рефлексии и вполне оправдываются знаменитой формулой А. Бёка о филологии как «познании познанного», которая относится ко всем гуманитарным наукам, включая религиоведение.

В полном смысле авторской — и обладающей бесспорной **новизной** — оказывается третья глава «Использование понятия „ирония“ в традиционной патристической экзегезе», в которой диссертантка самостоятельно анализирует собранные ею контексты употребления греческих словоформ с корнем

εἶρων- в корпусе святоотеческих произведений, отобранных из базы данных «Thesaurus Linguae Graecae». Использованный материал убеждает в обоснованности выводов своей обширностью и наглядностью. Именно на результатах третьей главы А. А. Медведевой сформулированы положения 4–6, выносимые на защиту, которые в полной мере могут быть признаны достоверными. Фундированности диссертации добавляют три приложения, содержащие фрагменты святоотеческих и богослужебных текстов (на церковнославянском языке, из современных богослужебных книг Русской православной церкви), правда вызывает сожаление то обстоятельство, что последние (цитаты из богослужения, в которых автором была выявлена ирония) никак не были задействованы в основном тексте диссертации.

Высокой оценке диссертационного исследования А. А. Медведевой не противоречат (но скорее позволяют уточнить и углубить дальнейшее развитие идей, представленных в нём) следующие замечания.

1. Представляется не до конца разработанным понятийный аппарат диссертации, прежде всего для основного её понятия — ирони. Признавая сложность его дефиниции и изменчивость во времени, А. А. Медведева тем не менее указывает «на необходимость уточнения понятия „ирония“ как такового, выделения его основных функций и области употребления (в нашем случае — при использовании в библейской экзегезе)» (с. 51–52). Увы, в диссертации это понятие так и не было уточнено в виде сколько-нибудь чёткой дефиниции, пусть и грубой, но позволяющей судить об этом понятии как о рабочем инструменте автора. Складывается впечатление, что автор перекладывает эту задачу на читателя, доверяясь его самым общим (если вообще не бытовым) представлениям об иронии, причём читателю русскоязычному, как если бы греческое слово *εἶρωνεία* было абсолютно тождественно русскому *ирония* (кстати, в русский язык оно попало уже с латинским ударением, сдвинутым на один слог от конца).

2. Задачи третьей, в наибольшей степени авторской, главы представляются нам в большей степени отвечающими филологической проблематике,

нежели сугубо философской (что от оппонента-филолога не может, конечно, звучать как упрёк), в связи с чем к содержанию этой главы могут быть высказаны собственно филологические замечания. Основное состоит в том, что автор диссертации, по-видимому, не различает понятие и слово (точнее, даже корень слова — *εἴρων*). Кропотливо собрав примеры употребления слов с этим корнем в патристической литературе, А. А. Медведева как будто бы стремится убедить нас в том, что за ними стоит само понятие «ирония», а не просто корень *εἴρων*- (заметим попутно, что лингвистическая традиция даже чисто формально различает представление собственно языковой единицы — слова, а также значения слова и явления более высокого порядка — понятие: слово как единица языка выделяется курсивом, значение слова заключается в одинарные кавычки-лапки, а понятие — в обычные двойные кавычки). Все словоформы оригинального греческого текста с корнем *εἴρων*- диссертантка самостоятельно переводит русскими словами исключительно с корнем *ирон*-, хотя во многих случаях греческие слова должны переводиться иначе — в соответствии с их значениями, а не формой. Правда, в комментариях к такого рода случаям А. А. Медведева не может не определить значения, например: «В настоящем контексте (речь идет об архангельском приветствии к Богоматери) прослеживается отрицательное значение корня „εἴρων“», приближающееся к значениям „неискренность“, „обман“, „притворство“» (с. 142), — при этом в самом переводе стоит *иронически* (в оригинале *ἐν εἴρωνείᾳ* — букв. ‘в иронии (притворстве)’). Естественно, в этом случае и ему подобным не может идти речи о п о н я т и и «ирония», тогда как именно понятие, а не слово само по себе является предметом анализа настоящей диссертации. О том, что указанная нами путаница имеет место, говорит и такой вывод диссертантки (к § 3.1, с. 142): «Понятие „ирония“ довольно активно использовалось христианами доникейского периода. Всего обнаружено девятнадцать случаев использования этого корня в различных словоформах...» — здесь мы видим отождествления понятия с корнем. Ниже приводятся уже собственно з н а ч е н и я (их насчитано для доникейского периода шесть), но, опять же, с

сомнительным заключением: «...спектр значений понятия „ирония“ в доникейском периоде довольно широк» (с. 143), — поскольку несколько значений может быть у слова (в данном случае — корня), но не у понятия. Правда, один раз А. А. Медведева отступает от своего метода — поиска контекстов с корнем *εἶρων-* — и обращается к употреблению глагола *καυφδέω* ‘высмеивать в комедии’, которое вызвало интерес, видимо, лишь из-за русского перевода его словоформы — *иронически* (с. 177). Коль скоро и этот глагол связан с понятием «ирония», почему не проанализированы другие контексты с ним в святоотеческих текстах?

3. В качестве объекта исследования указаны «текст Священного Писания и корпус экзегетических сочинений отцов церкви», что находит отражение и в формулировке темы диссертации («сакральный текст» и «экзегетическая традиция христианства»), а предметом исследования назван «феномен иронии как компонент языка сакрального текста и экзегетической традиции христианства» (с. 9). Однако в самой работе ситуация складывается несколько иначе, асимметрично: во второй главе исследуется не сама библейская ирония, то есть собственно библейский текст, а уже имеющиеся её исследования, тогда как в третьей главе анализируется уже вовсе не ирония, а словоформы с корнем *εἶρων-* (за единственным исключением, упомянутым выше), которые в большинстве случаев не имеют к понятию «ирония» никакого отношения, а использование этого корня в связи с библейской экзегезой — также довольно редкий случай. В связи с этим хотелось бы, чтобы в процессе защиты диссертации А. А. Медведева представила нам статистику употребления словоформы с корнем *εἶρων-* (наподобие той статистике из второй главы, которая касается количества исследований, посвящённых той или иной библейской книге): в скольких контекстах *εἶρων-* относится к характеристике библейского текста, то есть выступает в экзегезе, не отрицающей наличие иронии в Библии, в скольких — без какой бы то ни было экзегетической функции, в скольких передаёт понятие «ирония», а в скольких — другие понятия («притворство», «насмешка» и т. д.).

Если эти три замечания можно считать основными и принципиальными, то прочие носят уже частный характер.

4. В обзоре русской литературы о понятии «ирония» отмечается: «В предложенном ниже обзоре исключен из рассмотрения вопрос „Смеялся ли Христос?“, поднимавшийся в русской религиозной философии, по причине намеренного разведения понятий „ирония“ и „смех“ в настоящем исследовании» (с. 46), — однако далее всё равно рассматриваются работы, посвящённые смеху, начиная с хрестоматийной книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», при этом не приведено главное возражение — хронологическое — против бахтинской концепции «средневекового» смеха: он вовсе никакой не средневековый, а ренессансный, причём смеховая культура Рабле рассматривалась А. Ф. Лосевым (который также имеется в обзоре, правда исключительно как специалист по античной философии) как образец «разложения эстетики Ренессанса» в художественной литературе (Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998. С. 603–610). Кстати, именно Лосев первым вступил в полемику с Бахтиным в книге «Эстетика Возрождения» (1978), которая в диссертации А. А. Медведевой не упоминается.

5. Хронологически первое использование слова *ирония* в русском языке, зафиксированное в письменном корпусе текстов (в диссертации отнесённое лишь к 1788 г., см. на с. 107–108), можно углубить до 1710-х гг., если обратиться к «Словарю русского языка XVIII в.» (вып. 9, с. 112). Правда, в том же Национальном корпусе русского языка первое употребление прилагательного *иронический* (безусловно, производного от слова ирония) засвидетельствовано в словосочетании *в ироническом смысле* в «Живописце» Н. И. Новикова 1775 г. Кроме того, слово *ирония* есть в авторском примечании И. И. Хемницера к стихотворению «Зачем глупец скоряя до счастья доступает?..» 1782 г. (из Поэтического подкорпуса, который демонстрирует, что это слово было весьма частотно в русской стихотворной речи с 1840-х гг.).

6. Представляется несколько преувеличенной неожиданность сохранения у отцов церкви античного наследия: «...значения этого понятия [«ирония». — А. Г.] в святоотеческом наследии вариативны и иногда могут представляться неожиданными: отцы церкви придерживаются античного понимания иронии как риторической фигуры, нередко в их наследии присутствуют прямые отсылки к сократической иронии» (с. 205). Античные тексты — как философские, так и художественные (включая всю языческую по содержанию литературу) — неотъемлемая часть и позднеантичной (всё-таки ещё античной!), и раннесредневековой (уже византийской, в современном понимании) образованности: традиции изучения античной риторики и поэтики с уходом старого, языческого, мира никто не отменял, — так что неожиданными они могут казаться лишь из славяно-русской перспективы, в которой византийская культура понимается как сугубо монашеская и ригористическая, как будто бы оторванная от античных корней. В действительности же это результат славянской (и позднее — русской) рецепции византийской культуры и религиозности: на церковнославянский язык практически не переводились сочинения древнегреческих авторов-язычников, но это не значит, что они не были широко известны в самой Византии.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертации, чья актуальность и новизна не вызывают сомнений, и научным

выводам и рекомендациям диссертации, которые обоснованны и достоверны, равно как и положения, выносимые на защиту.

Таким образом, соискатель Медведева Анастасия Алексеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт славяноведения РАН

ГРИЩЕНКО Александр Игоревич

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: inslav@inslav.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Адрес места работы:

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А,
Институт славяноведения РАН, Отдел славянского языкознания
Тел.: +7 (495) 938-17-80; e-mail: inslav@inslav.ru

Подпись сотрудника Института славяноведения РАН А. И. Грищенко удостоверяю:

